

приходилось особенно тяжело на уроках танца, болели ноги, тогда думали – тромбоз.

Андрей - 2002 - март - с. 24-25.

ПОЗДНЕЕ признание

Павел Луспекаев не успел узнать,
что к нему пришла всенародная любовь

Марина Кузнецова

СОЛНЦЕ ЕЩЁ НЕ ВЗОШЛО...

Первое послевоенное лето. В театральном училище им. Щепкина – вступительные экзамены. Называют фамилию: Луспекаев. На сцену выходит черноглазый юноша, высокий, худой. Он молод – всего девятнадцать, но за плечами – биография. Успел повоевать в разведгруппе при штабе партизанского движения 3-го Украинского фронта, был ранен.

Луспекаев читает басню. Зрелище поразительное. Приёмная комиссия сражена. А на экзамене по литературе вместо сочинения сдаёт чистый лист. Набравший курс К.А. Зубов кинулся в ректорат: "Изобретайте, что хотите. Я всё равно его возьму!"

Учиться было трудно. На занятиях по сценической речи Луспекаев сражался со своим южнорусским выговором. На уроках танца приходилось особенно тяжело, болели ноги, – тогда думали – тромбоз. Зато на занятиях по актёрскому мастерству блистал. Удивлялся, когда у однокурсников что-то не получалось: "Ты текст знаешь? Ну вот, возьми и скажи его просто".

Странно, но одного из самых одарённых выпускников училища не взяли в Малый театр. Возможно, потому, что Малый всегда был святилищем чистой, правильной русской речи, а Луспекаев к моменту окончания училища так и не победил южный диалект. Актёра распределили в труппу Тбилисского Государственного русского театра, через несколько лет Павел Борисович переехал в Киев, стал ведущим актёром в Театре им. Леси Украинки. Воспоминания коллег о его сценических работах того времени – сплошь восторги и восклицательные знаки, но в столицах его не знали, а потому – не звали. Впрочем, он и не рвался, работать локтями не умел, да и не хотел. Но в 1959 году жизнь преподнесла Луспекаеву судьбоносный подарок.

ВАШЕ БЛАГОРОДИЕ, ГОСПОЖА УДАЧА...

В ленинградском БДТ готовили к постановке горьковских "Варваров".

Роль Чиркуна Георгий Александрович Товстоногов предложил Кириллу Лаврову. Тот упорно отказывался – "не моё". Поехал в Киев навестить отца, пошёл в театр и увидел актёра, поразившего его. "Вот Чиркун", – убеждал Лавров Товстоногова. Режиссёр в первый раз услышал фамилию Луспекаев, но всё же пригласил Павла Борисовича в Ленинград.

Новые актёры (даже очень опытные) всегда трудно входили в труппу БДТ, Луспекаев оказался исключением. Товстоногов вспоминал: "Луспекаев стал для меня идеалом тончайшего действенного анализа, мастером полупрозрачных, умеющих скрывать вулканическую природу своего дарования". Все роли, сыгранные Павлом Борисовичем в БДТ, становились событиями театральной жизни: Бонар в "Четвёртом" К. Симонова, обречённый, жестокий негр Галлен в "Не склонивших головы" Н. Дугласа и Г. Смита, наивный и одновременно пафосный Нагульнов из "Поднятой целины" Шолохова...

Великий Лоуренс Оливье, во время своего визита в СССР видевший Луспекаева на сцене БДТ, сказал: "У вас есть гениальный актёр. Вот этот... Не могу выговорить фамилию, извините".

Луспекаев умел восхищаться партнёрами, но уж если ругал, то так, что чертям тошно было. Наигрыш, штампы называл "понтами". "Только без понтов!" – ярился он, когда видел нечистую актёрскую работу, и чутьё на "понты" имел абсолютное.

Молодой в ту пору актёр Олег Басилашвили, которого поражала природа луспекаевского таланта ("Казалось, он не затрачивает никаких усилий на предварительное обдумывание роли"), как-то попытался выведать у Павла Борисовича секрет его мгновенного актёрского преображения. Луспекаев, смеясь глазами, "объяснил": "Слова надо хорошо выучить. Выучил – дело в шляпе".

Конечно, он лукавил. На самом деле, Павел Борисович не расставался с тетрадками с текстом роли, замусоливал их до дыр, часами рассказывал

"Белое солнце пустыни"

придуманные им самим истории о человеке, которого должен был играть. На одном из спектаклей партнёр Луспекаева заметил у него на шее медальон. Откуда он взялся, зачем Луспекаеву цацки? Позже, зайдя в гримёрную, увидел медальон на столе. Не удержался и открыл. В медальоне оказалась женская головка, вырезанная из какого-то журнала. Павел Борисович для своего Бонара из "Четвёртого" придумал женщину, которую тот любил. И этот талисман стал для актёра важной деталью, вещественным подтверждением любовной истории героя, оставшейся за рамками пьесы.

Павел Борисович мечтал о роли Отелло. Товстоногов хотел поставить с ним шекспировскую трагедию. Однажды ночью в квартире режиссёра Александра Белинского раздался телефонный звонок. Звонил Луспекаев: "Ты знаешь, как я буду душить Дездемону? Я задушу её в поцелуе. Главное в характере Отелло – нежность". Вот только сыграть шекспировского героя ему так и не пришлось.

Работая над образом, Павел Борисович часами искал нужную интонацию, жест. Репетируя роль Вилли Старка для телефильма "Вся королевская

рать" по роману Уоррена, мотался по комиссиям, подыскивая плащ и шляпу для своего героя. Примёр стонал – актёр один за другим отвергал варианты стрижки. На свои деньги Павел Борисович купил золотой перстень-печатку. Пробивающийся "из грязи в князи" Старк, по мнению Луспекаева, обязательно должен носить такой вот булыжник из золота на пальце. Кто мог знать, что жизнь актёра была уже на излёте? Он успел сняться всего в двух сценах. Роль Вилли Старка сыграл Георгий Жжёнов.

В дружбе Луспекаев был нежен и великодушен. В гневе – страшен. Однажды актёр Иван Краско втянул Павла Борисовича в какую-то "тематическую" телевизионную передачу. Луспекаев согласился, но маялся, не мог запомнить текст, нутром чувствуя бездарность затеи. Когда передача кончилась, Краско попытался его успокоить: мол, забудьте, отмучились. Глаза Луспекаева сверкнули бешенством: "Уйди с глаз моих долой! Убью!"

Его не считали интеллектуалом, эрудитом – ну, стихийный талант, ну, поцеловал Бог в макушку... Тем, кто так думал, Луспекаев подыгрывал, изображая из себя неуча "от сохи". Если

позабыли как-то в съёмочной группе, что героя зовут Александром, и стали называть его Павел.

Из спектакля "Варвары".

его заставляли с книгой, он подпирал пальцами щёку, и, слюнявая палец, принимался нарочито неумело листать страницы. Но близкие Павла Борисовича знали – он мог дать фору заядлому книгочею.

НЕ ВЕЗЁТ МНЕ В СМЕРТИ, ПОВЕЗЁТ В ЛЮБВИ...

Театр Луспекаев любил страстно. До сих пор ходят легенды о том, как он репетировал роль Скалозуба. А сыграть её не пришлось. Болезнь сосудов ног, много лет причинявшая актёру нестерпимые страдания, нанесла сокрушительный удар – Луспекаеву ампутировали стопу. Павел Борисович ушёл из театра. Нет, его никто не гнал. Напротив, Товстоногов просил остаться, говорил, что придумает специальные мизансцены, чтобы не слишком много надо было двигаться, но... Луспекаев понимал, что не сможет работать в полную силу, а жалость и (и как ему казалось) снисходительность претили. Олег Ефремов звал его в "Современник", Павел Борисович отшутился: "Ты посмотри на меня, ведь если такое выйдет на твою сцену, то весь твой "Современник" провалится!" Ефремов рассмеялся: "Ты прав, Паша. Не нужен тебе никакой театр, ты

сам – театр!" Но сдаваться Луспекаев не собирался. На телевидении и в кино хромоту можно было скрыть.

Телевизионные работы Луспекаева, особенно Ноздрёв в "Мёртвых душах" и Матвей Кожемякин в "Жизни Матвея Кожемякина", у тех, кто их видел, остались в памяти навсегда. Но спектакли прошли по Центральному телевидению всего один раз... А роман с кинематографом у Павла Борисовича как-то не складывался. Кинорежиссёры побаивались его неумённого темперамента. Луспекаев снялся в нескольких фильмах, но роли были невелики, а картины неудачны. Впрочем, актёр тоже не жаловал кинематограф. Он спотыкался о меловые отметки на полу, по которым нужно было двигаться, чтобы не "выпасть" из кадра. Его раздражали перекладка сюжетной последовательности, процесс озвучания. Лишь две кинороли до "Белого солнца пустыни" достойны упоминания. Обе – в фильмах Геннадия Полоки: шофёр Борис в "Капроновых сетях" и незабываемый учитель физкультуры Косталмед в "Республике ШКИД" с его знаменитой, ставшей афоризмом фразой: "Не шали..." Болезнь помешала закончить роль. Луспекаев перенёс операцию на второй ноге. Из

задуманного сняли лишь пятую часть, но даже из крохотных эпизодов сложился характер – большой человек с нежной, детской душой.

...В съёмочной группе фильма "Белое солнце пустыни" царила паника. Кончалось лето, а исполнитель роли таможенника Верещагина не находился. Режиссёр Владимир Мотыль подумал о Луспекаеве, но как быть с эпизодами драки на баркасе? Дублёр? Идею подал Полока: "Придумай сцены в воде, Луспекаев плавает как рыба". А в том, что Верещагин передвигается на костылях, нет ничего странного – он герой германской войны, георгиевский кавалер.

Каково же было удивление режиссёра, когда он позвонил в двери луспекаевской квартиры: Павел Борисович ходил без костылей. О болезни ни слова, только – о роли, о сценарии. Идею Верещагина-инвалида актёр отверг сразу. И сцену на баркасе, когда таможенник в считанные минуты, как стаю корабельных крыс, разметает по палубе бандитов, предложил снимать в море. Чтобы штормило, качало, чтобы получилось как надо.

Образ бывшего царского таможенника Верещагина в первом литературном сценарии занимал куда более скромное место, чем Сухов или Саид. Но личность Луспекаева заставляла уточнять мотивировки, дописывать диалоги. По сценарию Верещагин погибал, так и не успев вступить в драку. Но как представить себе луспекаевского героя, не принявшего бой? Верещагин,

созданный Луспекаевым, – "буйная головушка", лихой, отчаянно смелый русский богатырь, который до поры сидит сиднем, но уж коли встанет да распрямит плечи, то трепещите Соловьи-Разбойники и Тугарины Змеевичи! Образ Верещагина отчасти подсказал режиссёру стилистику будущей картины, её жанр, близкий к народному сказанию. Все в съёмочной группе как-то позабыли, что героя зовут Александром, и стали называть его Павел.

Морские сцены отсняли, но тут режиссёр получил телеграмму из отдела технического контроля студии: некоторые кадры забракованы из-за плохого качества плёнки. Пришлось переснимать те самые эпизоды, которые давались Павлу Борисовичу неимоверными усилиями. А на дворе стоял уже октябрь, задули сильные холодные ветры... "Съёмка окончена. Луспекаев грузно опускается на палубу. С него стаскивают холодную мокрую одежду. Накидывают ватник, дают спирт. С потемневшим, усталым лицом сидит он, приходя в себя", – вспоминал Владимир Мотыль.

Пересматривая фильм в сто первый раз, я в сто первый раз плачу (что совсем не по чину кинокритику), когда разлетается в щепки баркас, а в прибрежной волне, как раненая чайка, бьётся и задыхается в крике осиротевшая жена Верещагина. Премьера "Белого солнца пустыни" состоялась в марте 1970 года. А 17 апреля Павла Борисовича не стало...

СОЛНЦЕ КЛОНИЛОСЬ К ЗАКАТУ... ■

Гайдай – "Тибель эскадры".